

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Протоиерей Павел Великанов	VII
--	------------

Митрополит Антоний Сурожский

ХРИСТИАНСТВО

ИЛИ «ЦЕРКОВНИЧЕСТВО»	1
----------------------------	----------

Беседа I	3
----------------	----------

Беседа II	15
-----------------	-----------

Беседа III. Ответы на вопросы	29
-------------------------------------	-----------

Беседа IV. Ответы на вопросы	44
------------------------------------	-----------

Беседа V	56
----------------	-----------

Беседа VI	68
-----------------	-----------

Беседа VII	79
------------------	-----------

Беседа VIII	96
-------------------	-----------

Беседа IX	109
-----------------	------------

ОБ ЭККЛЕСИОЛОГИИ

МИТРОПОЛИТА

АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО.....	121
-------------------------	------------

Понимание миссии Церкви митрополитом Антонием Сурожским Протоиерей Сергей Овсянников	123
--	------------

Община — храм — Царство Небесное
Протодиакон Петр Скорер **141**

Живая епархия
в служении Богу Живому
Коста Каррас **153**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами — запись девяти бесед митрополита Антония в Лондонском приходе, которые проходили с 8 февраля по 28 июня 1990 г. Эти беседы сначала были опубликованы на английском языке под названием «Churchianity versus Christianity»; полное отдельное издание на русском языке выходит впервые. Время, когда проходили эти беседы, — это время переломное: уходит в мир иной Святейший Патриарх Пимен, радикально меняется положение Церкви в государстве, воздух наполняется предвкушением духовной весны после затянувшейся на многие десятилетия зимы агрессивного безбожия. Владыка Антоний, понимая значимость этого переломного момента для жизни Русской Церкви, правящим архиереем которой он и оставался до ухода на покой за полгода до смерти, был при этом совершенно чужд какого бы то ни было триумфализма. Напротив, он в куда большей степени обеспокоен, нежели восторжен.

Церковь для митрополита Антония — это непрекращающееся напряжение между двумя полюсами: Божественным, точнее, Богочеловеческим во Христе, Церковью, которая «уже» совершенна, святая и непорочная, — и нашим, человеческим полюсом, Церковью как фактическим сообществом верующих, земной Церковью, которая «все еще не» — не совершенна, не святая, и даже может быть порочной, в силу немощи павшего человеческого естества. Но при этом Владыка вовсе не ставит под сомнение важность Церкви как таковой: она безусловно

необходима — для того, чтобы «людям... открывать Бога, в среде церковной, но не Церковь им открывать, а Бога» («Митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом», реж. Виктор Васильев).

Странное для нашего слуха слово, вынесенное в название книги, «церковничество» (*англ. churchianity*), несмотря на отсылку митрополита Антония к Клайву Льюису, по всей вероятности, принадлежит авторству самого Владыки. И это — не ругательный термин; напротив, слово пропитано глубочайшей болью тех, кто столкнулся не с Церковью Христовой, а с «церковничеством» человеческим, слишком человеческим...

Митрополит Антоний использует евангельский образ бесплодной смоковницы, у которой была только видимость жизни, при отсутствии самой жизни как таковой. Она, как и другие деревья, поглощала воду, питательные вещества из почвы, ее листья впитывали солнечный свет — но на этом все и заканчивалось. Себя она не отдавала — ей и без плодов было вполне комфортно, — и за это она оказалась проклятой, вычеркнутой из книги жизни.

Главный вопрос, который ставит Владыка, — и экзистенциальный, и методологический: как перейти из области «знания» о Христе в область, точнее, состояние «бывания» во Христе? Для Владыки вопрос этот вовсе не риторический: переход из «знания» в «бывание» происходит через общение — когда все «концепции» и «представления» рассыпаются перед таинством Предстояния в безмолвном Созерцании Того, Чьи глубины «неисследимы для нас», и перед Его Любовью умолкает всякая плоть.

«Мы прячемся в Церкви от жизни» — такими хлесткими, звонкими обличительными фразами митрополит Антоний, как опытный хирург, вскрывает застарелые душевные гнойники, к которым мы уже настолько привыкли, что стали считать их своей неотъемлемой частью. Особая тема, очень важная для Владыки, — тема общинности. Но этот краеугольный для Церкви вопрос митрополит Антоний увязывает с вопросом из, казалось бы, совершенно другого измерения — вопросом открытости, а значит — уязвимости. Легко быть хорошим христианином, облеченным в сияющую броню «праведности» — мнимой праведности, потому что она крепка и непробиваема. Куда сложнее открыть себя братьям и сестрам как слабого, неустойчивого, удобопреклонного ко греху — но при этом желающего обрести заповеданное преподобным Максимом Исповедником «непадательное состояние». Владыка ставит главным условием неложности христианской общины способность ее членов принимать друг друга без условно, «как Христос принял нас» — только потому, что мы обратились к Нему, а вовсе не потому, что мы такие замечательные и безгрешные.

Беседы Владыки пропитаны болью врача, который стоит у постели веселого больного — веселого не из-за хорошего самочувствия, а из-за высокой температуры и лихорадки. Эта боль настоящей любви побуждает не разделять болезненный задор пациента, а остужать его горьким лекарством правды, потому что только правда — спасительна.

Продолжая святоотеческую мысль о человеке как микрокосме, Владыка показывает, что вся

человеческая история в какой-то мере повторяется каждым из нас — и живет в каждом из нас. Падение Адама — не какой-то канувший в безвестности эпизод, но живая рана, регулярно напоминающая о себе болью сладкого своеволия. Братоубийство Каина — еще один пример греха предпочтения себя другому, даже ценой убийства, который магнитом притягивает к себе волю и разум в искушениях. Да и многие другие библейские персонажи, будучи подсвечены болью сердца, оказываются вовсе не далекими, а здешними, родными, давно знакомыми. Как бы мы ни отказывались видеть в себе этих неприглядных «дальних родственников», как бы мы ни отворачивались от них и ни отрицали их присутствие — они никуда не исчезают.

Христианский паразитизм — еще одна важная тема для митрополита Антония. Владыка ставит проблему крайне остро: мы хотим паразитировать даже... на Самом Господе Боге — мы жаждем и Его «иметь», использовать в своих эгоистических целях, касаются ли они житейских благ или загробной участи.

Говоря о, казалось бы, вполне известном каждому христианину Символе веры, Владыка вдруг разворачивает беседу в необычном русле: для него отточенные формулировки Символа — не какой-то «словесный код христианского вероучения», а... слепок, отражение Божественной красоты — или, словами митрополита, «откровение непревзойденной красоты, одновременно трагичной и славной, которая говорит нам: вы призваны быть такими»¹!

¹ Наст. изд. С. 27.

Богословие Владыки Антония пропитано очень конкретной любовью к человеку — не абстрактному, лишь только «умозрительному», а вполне реальному — тому, кто сейчас находится рядом, кого надо учиться принимать таким, какой он есть сейчас, а не в далеком будущем. Для него только живой человек — единственно верный индикатор подлинного, а не мнимого присутствия Божественного света в христианине. Но это возможно, только если в Другом — к кому и обращен взгляд верующего во Христа — распознается хотя бы небольшой отблеск этого Невечернего Света.

Беседы «Христианство или „церковничество“» — не для поверхностного чтения. Они отрезвляют, обличают, заставляют остановиться, перечитать, отложить в сторону до времени, вернуться — и снова и снова применять их к самому себе, словно камертон души. Несмотря на всю неприкрытость душевных язв членов Церкви, для Владыки Антония несомненной остается вера в Бога, верующего в человека, Бога, Который в Своей любви — неотступен. И сегодня беседы митрополита Антония звучат как набат, заставляющий остановиться, одуматься, всмотреться внутрь себя: а туда ли мы пришли, куда нас звал Христос в Евангелии? Откуда все возрастающая волна сторонников внеконфессионального христианства, про которых мы с легкостью готовы сказать, что они «вышли от нас, но нашими не были»? А «нашими» — это «чьими»? Членами Церкви? Корпорации? Системы? Субкультуры? Мы сами-то — «чи»? Христовы ли?..

В завершение хотелось бы привести слова Владыки, которые, как мне представляется, очень точно

характеризуют его как настоящего пастыря и христианина:

«Все, что я сейчас делаю, я делаю с надеждой, с верой, со страстной верой в каждого из вас и в Церковь Божию. Я бы даже сказал, что говорю с верой в себя самого — не с самоуверенностью, но зная, что Бог создал каждого из нас, призвал каждого из нас в бытие, в трагический мир, в котором мы живем, потому что Он верит в каждого из нас; Он доверяет нам, Он на все надеется от нас. И это должно быть достаточным основанием для вдохновения и мужества»¹.

*Протоиерей
Павел Великанов*

¹ Наст. изд. С. 16.

МИТРОПОЛИТ
АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ
ХРИСТИАНСТВО ИЛИ
«ЦЕРКОВНИЧЕСТВО»

Churchianity versus Christianity. Беседы
в Лондонском приходе 8 февраля —
28 июня 1990 г. Пер. с англ. Е. Майданович.
Первая публикация: *Антоний, митрополит*
Суражский. Труды: Книга третья. — М.:
Практика, 2020.

БЕСЕДА I

Вам, возможно, показалось странным название этой серии бесед, которые я собираюсь провести. Но сопоставить то, что К. С. Льюис называет «церковничеством»¹, с христианством и осознать или попытаться понять, как много в нас «церковничества» и как мы далеки от христианства, — задача очень и очень важная. Я задумываюсь об этом отличии уже годами — не теоретически, а вглядываясь в собственную внутреннюю и внешнюю жизнь. И мне постепенно стало ясно: я годами находил столько вдохновения и радости в жизни Церкви, в молитвенных словах, в стройности и глубине богослужения, в писаниях духовных наставников — и вместе с тем, восхищаясь всем этим, питаюсь всем этим, сам оставался без плода. И если, приближаясь к концу жизни, я могу вынести такое суждение о себе самом, возможно, это отражает положение многих. Не может быть, что я — единственный, о ком Великий канон святого Андрея Критского мог бы сказать: пророки бессильны, Евангелие праздно, писания духоносных мужей бесплодны, я лежу наг и пуст...² Это сказал святой Андрей Критский, не я, не кто-то

3

¹ Формула эта восходит как минимум к трактарианцам (Oxford Movement). Вероятнее всего, митрополит Антоний ссылается на Льюиса как на обобщенного английского духовного автора. Если попадалось умное и точное высказывание на церковную тему, его на английской почве с большой вероятностью приписывали Льюису. Так все красивые фразы про политику приписываются Черчиллю.

² «Закон изнеможе, празднует Евангелие, Писание же все в тебе небрежено бысть, пророцы изнемогоша и все праведное слово». Великий канон Андрея Критского, понедельник Первой седмицы Великого поста, песнь 9. — *Здесь и далее прим. переводчика и редактора.*